

Александр Айзензон

ЧАСТНЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
А36

Рецензенты:

В. К. Федяев — доктор технических наук, профессор;
А. А. Севастьянова — доктор исторических наук, профессор

Айзензон А. Е.

А36 Частный взгляд на историю: Монография / А. Е. Айзензон. — М.; СПб.: Нестор-История, 2018. — 336 с.

ISBN 978-5-4469-1446-3

Великая Отечественная война, концентрационные лагеря, сталинские репрессии, Солженицын, советская наука и культура, опасность антисемитизма, как и других инстинктивных проявлений, повышающих уровень агрессии, — вот темы этой книги. Её предмет — судьба человека в историческом измерении: влияние человека на историю и, наоборот, — влияние истории на человека. Книга изобилует событиями и фактами, относящимися к недавней истории нашей страны и представляющими интерес для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4469-1446-3

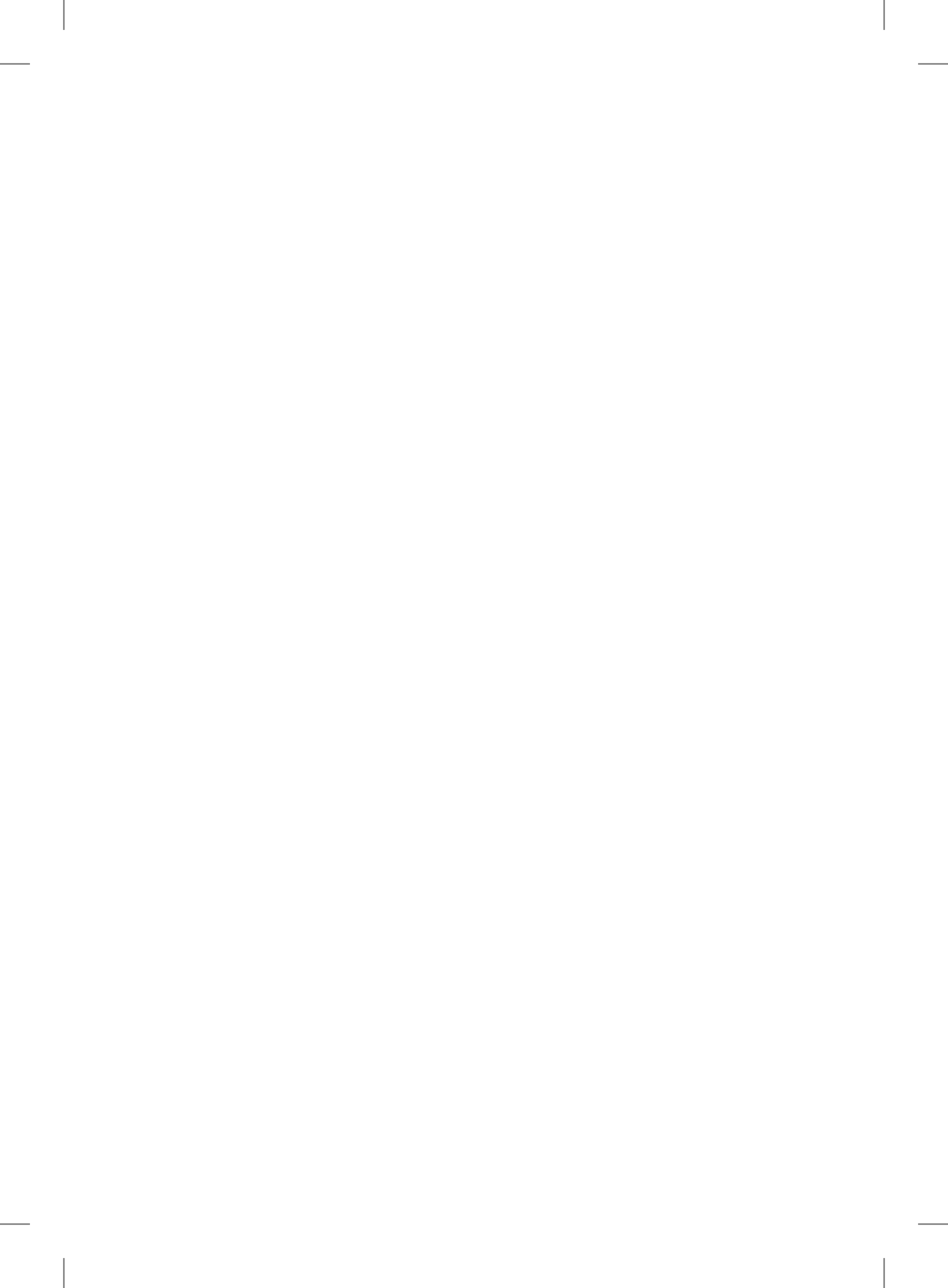

© А. Е. Айзензон, 2018
© Издательство «Нестор-История», 2018

Каждый из нас — существо социальное. За исключением индивидуального созерцания природы, нет у нас дел, мыслей и событий, не связанных с социумом. Эта книга тоже не могла состояться без социальных событий и без людей, способствовавших её выходу. Самое малое, что с этим связано у автора, — благодарность, также представляющая собой социальное явление.

Прежде всего она относится к Вячеславу Николаевичу Козлякову, Валерию Кузьмичу Федяеву, Алле Александровне Севастьяновой, Ивану Дмитриевичу Северину, Елене Константиновне Елисеевой и Галине Павловне Терёхиной.

Роль каждого из них в рождении книги, как и сама благодарность, вряд ли интересуют читателя. Впрочем, и адресовано это не читателю, а неким существующим в нас материям, которые принято считать высшими. Они смиренно теснятся вокруг слова «благодарность», но их словесному оформлению мешает сдержанность.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	8
Введение	12
Часть 1. ОБ ИСТОРИИ	14
<i>Глава 1. Об исторической правде</i>	14
1.1. Между истиной и её отражением	14
1.2. О последствиях искажений истории	17
1.3. О многомерности исторических событий	21
1.4. О героях книги	25
1.5. Исходные положения	32
Часть 2. САМООРГАНИЗАЦИЯ СОЦИУМА	34
<i>Глава 2. О самоорганизации систем</i>	34
2.1. Диссипативные системы	34
2.2. Самоорганизация систем	38
2.3. Упорядоченность земной материи	41
2.4. О механизмах и понятиях синергетики	44
<i>Глава 3. Социум</i>	48
3.1. О самоорганизации органики	48
3.2. О смысле жизни	50
3.3. Об эволюции социума	56
3.4. Человек и его социум	57
3.5. Консерватизм и развитие	60
3.6. О самоорганизации социума	64
3.7. Социум и власть	69
Часть 3. ИСТОРИЧЕСКИ ЗНАЧИМАЯ СУДЬБА. СОЛЖЕНИЦЫН	73
<i>Глава 4. Об автократии</i>	73
4.1. Авторитаризм	73
4.2. О несостоятельности автократии	77
4.3. Несвобода	83
4.4. Взаимосвязь параметров порядка	91
4.5. О несвободе индивидуальной памяти	97
4.6. Межнациональные отношения	101
4.7. «К русскому обществу»	104

<i>Глава 5.</i>	Проблемы СССР	109
	5.1. Проблемы экономики СССР	111
	5.2. Об эффективности производства	114
	5.3. Проблемы культуры СССР	121
	5.4. Враги	131
<i>Глава 6.</i>	Плюсы советского периода	134
	6.1. Достижения	134
	6.2. Свобода внутри несвободы	136
	6.3. Паровоз	140
	6.4. Армия и тыл	142
<i>Глава 7.</i>	Несвобода и Солженицын	145
	7.1. Свобода и несвобода	145
	7.2. Иммунная система	153
	7.3. Лагерь	158
	7.4. «Один день Ивана Денисовича»	162
<i>Глава 8.</i>	«Архипелаг ГУЛАГ»	169
	8.1. После «Нового мира»	169
	8.2. Эпопея о репрессиях	176
<i>Глава 9.</i>	Солженицын и политика	181
	9.1. Солженицын и Сахаров	181
	9.2. Солженицын и перестройка	186
	9.3. Солженицын и народ	190
	9.4. Об исторической памяти	196
Часть 4. ЧАСТНАЯ СУДЬБА.		
ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК		206
<i>Глава 10.</i>	До войны	206
	10.1. Псевдоним	206
	10.2. Каховка — Одесса	210
	10.3. Довоенный Киев	215
<i>Глава 11.</i>	Война	217
	11.1. Начало	217
	11.2. Барвенковский котёл	224
	11.3. Плен	228
	11.4. Эвакуация	236

<i>Глава 12.</i> После войны	239
12.1. Германия	239
12.2. Возвращение	242
12.3. Толстого, 23	243
<i>Глава 13.</i> Скрытая реальность	250
13.1. Бабий Яр	250
13.2. Немного об истории	254
13.3. Традиции	258
13.4. Митинг	261
13.5. Об отношениях	264
13.6. В семье и школе	271
<i>Глава 14.</i> Возрождение	274
14.1. Вне вопроса	274
14.2. Кирпонос	275
14.3. О культурной стороне жизни	279
14.4. Штрихи возрождения	282
14.5. Село	284
14.6. Учёба	286
<i>Глава 15.</i> О толерантности	288
15.1. Защита диссертации	288
15.2. После школы	293
15.3. Снова о войне	295
15.4. Комментарии	300
15.5. Подсчёты	303
<i>Глава 16.</i> Финал	310
16.1. Переходный период	310
16.2. Пермь, и далее — в вечность	318
Эпилог	324
Литература	328

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тонкий фильтр времени...

История внутри каждого из нас. Мы можем сопротивляться этому, чувствовать «не по прошлому ностальгию — ностальгию по настоящему» (Андрей Вознесенский), но всё равно приходит время, когда наши собственные воспоминания становятся особенными. Мы начинаем с удивлением обнаруживать в себе и в других сходство судеб и переживаний, видим себя со стороны, узнаём черты вечного, не возвращающегося, того, чего больше никогда не будет. Для кого-то столкновение с неизбежностью хода исторического времени становится поводом для переживаний, но уже давно придумано, как заставить память не мучить нас, а помочь справиться с наступлением будущего. Лучший способ — написать мемуары, рассказать о пережитом другим! И только учёные, привыкшие к постоянному поиску нового, умеющие смотреть на явления с неожиданной стороны, способны вписать свой личный опыт в объяснение картины мира как высшей ценности познания. И это будет беспощадный «опыт на себе»...

Книга Александра Ефимовича Айзенциона, обратившегося к постижению «частного взгляда на историю», совершенно необычна, так как разрывает привычные шаблоны восприятия, хотя бы с делением на «физиков» и «лириков». Всё встанет на свои места, если отнестись к новой работе автора трудов и учебников по физике именно как к попытке научного объяснения общества. И здесь его уверенный взгляд мыслителя приводит к появлению нового метода, позволяющего понимать и, может быть, даже предсказывать социальные процессы. Умудрённый жизнью автор пишет в основном о событиях второй половины XX века. При обращении к прошлому А. Е. Айзенцион беспощаден в точности своего анализа, однако он оставляет надежду и объясняет зависимость

свободы и развития от «флуктуаций» (проявлений свободы). В любом случае они существуют и будут появляться, становясь причиной «бифуркаций». Как пишет автор, зёрна свободы рождаются с новыми поколениями, а «жизнь существует под любой глыбой».

Книга А. Е. Айзенциона интересна тем, что её автор идёт дальше предложения одной теории для объяснения процессов «социума» — ключевое понятие в предложенной им системе взглядов. Он исследует процессы «диссипации» (рассеяния) в обществе, размышляет о «синергетике» как методе изучения сложноорганизованных структур. Однако эта теоретическая часть не является в книге чем-то изолированным или самодостаточным — автор проверяет её собственным опытом человека, прожившего значительную часть жизни в СССР. Его труд станет хорошей прививкой от ностальгии по уже основательно подзабытому времени или предостережением для тех, кто с отвагой молодости хотел бы самостоятельно разобраться с этим периодом нашей истории. А. Е. Айзенцион никого не поучает, он спокойно размышляет, замечая с исторической дистанции очень многое, что было в советской повседневности. Исследуя «стабильность, основанную на несвободе», он может объяснить даже «специфические плюсы авторитаризма» или разобраться с мотивами возникновения ненависти к «чужому» или «чужим». Тем не менее в книге показано, что такая система, где нарушается баланс «ограничение — свобода», обречена на неустойчивость, а в конечном счёте — на разрушение.

Жизнь и судьба Александра Исаевича Солженицына помогают автору книги лучше раскрыть идеи о влиянии индивидуальных устремлений частного человека на общество в точке его «напряжения». Как объясняет А. Е. Айзенцион: «Тема “Солженицын” — это тема не столько о свободе и несвободе социума, сколько об осознании необходимости свободы». Хорошо известный образ

«возмутителя спокойствия» можно воспринять ещё и в физическом смысле столкновения с энергией одного человека, приводящего к неустойчивости всей системы. «Бодался телёнок с дубом» — так иронично названы записки А. И. Солженицына о своей литературной «борьбе»... Оказывается, с точки зрения физики даже такие малые колебания имеют смысл и могут вызвать непредсказуемый результат! А. Е. Айзензон останавливается на изучении воздействия «Одного дня Ивана Денисовича» и «Архипелага ГУЛАГ» на советский «социум», объясняет, почему после возвращения в Россию идеи А. И. Солженицына не «совпали» с интересами мятущегося и разрушенного общества.

Наряду с исследованием «возмущения» системы со стороны человека, Александр Ефимович обращается и к её воздействию на человека, снова применяя биографический метод. Он пишет о жизни своего отца — тоже физика, артиллериста, побывавшего в плену. Автора книги интересует «локальный срез состояния общества в описываемые времена». Героическая военная биография и послевоенный опыт отца переплетаются со стержневыми идеями книги, а мемуарный рассказ сопровождается размышлениями о многих «болевых точках» советской системы, включая внятный разговор об антисемитизме. Детали послевоенного детства в Киеве, судеб физической науки в СССР воспринимаются в книге с большим интересом. Рассказ А. Е. Айзензона о встрече со считавшимся пропавшим без вести отцом уже не забыть. Наверное, в этом сложность восприятия книги: она не только научный трактат или мемуары — требуются ещё открытость к идеям автора и, конечно, сопереживание его опыту.

В другой писательской ипостаси автор, взяв узнаваемый псевдоним Сергей Азинцев, уже успешно применил физическую терминологию к жанру афоризмов. Изучая фононы — «порции энергии, которыми обмениваются парные частицы», — он заметил их сходство с короткими фразами — «квантами» мысли. Один из его

своеобразных «фононов» позволяет заметить давнюю подготовку к неожиданному для физика эксперименту с прошлым: «Чем тоньше фильтр, тем больше оседает от протекающего сквозь нас времени». «Фильтр времени» учёного позволил предложить особый взгляд на историю России в частном измерении.

Вячеслав Козляков

ВВЕДЕНИЕ

В этой книге рассказаны истории о судьбах двух людей, в которые вплетено множество других историй. Собственно, любая книга — даже научная — это та или иная история.

Кстати, о науке. Тот, кто с ней не дружит, может читать первые три главы поверхностно, хотя я встречал людей, у которых именно эти главы вызвали наибольший интерес.

Кроме рассказов о судьбах, в книге предлагается специфичный взгляд на историю как на область знания, и этот взгляд я апробирую на конкретных примерах.

Мы все изучали историю как минимум в школе, а я к тому же позволял себе афористичные высказывания, в том числе и в её адрес [1]. Даёт ли это право обсуждать историю публично? При такой постановке вопроса здесь можно было бы поставить точку: история — это не футбол, где каждый считает себя специалистом.

Тем не менее, хотя история — не моя экспертная область, нетрудно показать, что исторический дискурс касается не только меня, но и каждого из нас. Не отдавая себе в этом отчёта, мы постоянно пожинаем плоды как собственно истории, так и её знания. Более того, история и вершится через нас — *через судьбы людей*, в ментальных состояниях которых она естественным образом растворена: каждый из нас в той или иной степени впитал культуру страны в её историческом аспекте, а некоторые участвуют и в её развитии, невозможном в отрыве от исторического базиса.

Историческим можно считать любой продукт культуры — книгу, фильм, симфонию, научную статью. Он представляет собой локальный срез фактов, привязанных к прошлому и настоящему времени, и этот срез может стать когда-нибудь артефактом. Именно в этом смысле я полагаю, что исторический дискурс не имеет принципиальных запретов на профессию.

Это важно ещё и вследствие обратной связи: индивиды не только *определяются* исторически сложившимся состоянием социума, но и *определяют* его: хотим мы того или нет, наши действия и взгляды влияют на ход истории, в том числе с учётом взаимопроникновения профессий. Междисциплинарность — явная примета нашего времени, и её тенденции не обязаны обходить одну из дисциплин — историю.

Всё это даёт основания и мне, непрофессионалу в истории, интересующемуся системными проблемами, высказать некоторые взгляды на предмет истории и попытаться проверить эти взгляды на практике применительно к конкретным действующим лицам и событиям.

Кому-то из специалистов такие взгляды покажутся общим местом, другому — спорными, а третий принципиально откажет непрофессионалу в праве делиться своими соображениями об истории.

Такие читатели могут просто проигнорировать эту книгу или, наоборот, потирая руки, рассматривать её в качестве подходящей жертвы критического разноса. Правда, если в этом смысле быть последовательным, то придётся отказаться и от многих других книг, живописных полотен и фильмов на исторические темы или потратить остаток жизни на критику.

Часть 1

ОБ ИСТОРИИ

Глава 1

ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЕ

1.1. Между истиной и её отражением

Столкнувшись с фактом,
мы его деформируем.

Сергей Азинцев. «Фононы»

В свете изложенных сомнений по поводу вмешательства в историческую науку непрофессионалов заметим, что и цех *профессиональных* историков вовсе не безгрешен. Он засорён, например, специально обученными индивидами, которым задан очередной «краткий курс» — типичный продукт авторитарных режимов. Изучать историю по таким трудам — то же, что изучать структуру заболеваний в стране по историям болезни нескольких пациентов узкоспециализированной клиники.

В то же время нельзя сказать, что нет проблем у тех историков, кто стремится к честности и полноте своих трудов. Природа их проблем имеет отношение к теории измерений, в частности к установлению достоверности полученного результата, например, статистической обработке данных и выявлением корреляций.

События становятся для нас историческими лишь после того, как их *живые* проявления омертвляются на бумаге или в иных артефактах. И когда, по истечении изрядного времени, историк отбирает артефакты с целью их «оживить» перед лицом современности, то перед ним во весь рост встают два вопроса: один — о лакунах среди доступных источников, второй — об адекватности

интерпретаций того, что они извлекают из доступного. Именно от решения этих вопросов и зависит то, для чего вообще нужны исторические исследования.

Есть и третья, немаловажная, проблема — подлинности вводимого в научный оборот документа. Однако мы выносим этот вопрос за скобки, предполагая, что документ подлинный, если нет доказательств обратного, ибо иного не дано.

Однако сколь бережно ни относился бы автор исторического документа к описанию событий и фактов, достоверность его описания не гарантирует достоверности представления описываемого, поскольку в тексте *всегда* присутствует личность автора. Манера его письма, способ заполнять лакуны контекстом и многое другое, о чём речь пойдёт ниже, неизбежно вносят в документ искажения.

Это усложняет интерпретацию документа будущим историком, если природа возможных искажений, допущенных его автором, ему неизвестна, а если известна, то историк может внести хотя бы некоторые поправки. Кроме того, по прошествии веков возникает ещё одна проблема — неизбежные «ножницы» между прежним пониманием событий и нынешним.

Мы не в состоянии проникнуть в голову и душу автора документа: даже в общении с *современником* никакие стремления к эмпатии не позволят нам совместить себя с ним. Более того, человек не способен совместить и себя самого с собою в прошлом — вернуться в него *полностью* невозможно. «Проживая время и задумываясь о нём, мы состоим из разного материала» [1, с. 215].

Что же касается объективности исторического документа, исходного для написания книг, то она всегда ограничена системой взглядов его автора. На неё накладываются социально-политические, профессиональные и личные обстоятельства, а также системы взглядов заказчика, редактора, рецензента, внутреннего цензора и др.

По истечении большого времени происходит второй акт наложений — теперь уже со стороны системы взглядов историка, а также вышеперечисленных влияний, окрашенных теперь уже иначе — на современный лад.

Сложное суммирование двух пластов искажений приводит к тому, что адекватность конечного продукта реальным событиям прошлого становится более проблематичной.

В сборнике афористичных высказываний я высказал эту точку зрения в преувеличенном виде: «Историки — это персонал стола заказов» [1, с. 80]. Такая гипербола, вообще свойственная афоризмам, призвана здесь выпукло представить мысль, имеющую отношение к соответствующим историкам и не имеющую — к историкам честным.

Через несколько дней после того, как я высказал эти мысли публично, один из присутствовавших на собрании — весьма квалифицированный историк — познакомил меня с высказыванием Степана Борисовича Веселовского — признанного мэтра в профессиональной среде историков: «Исторические факты мы воспринимаем не непосредственно, а через ист[орические] документы. Истор[ический] факт, вводимый нами в исследование и употребляемый для обобщений, есть результат очень сложного процесса работы мысли и наших привычных понятий <...>. Поэтому задача историка не может состоять в том, чтобы рассказать, «как это было», а в том, чтобы ясно изложить, **как я себе представляю, как это было**, и почему я представляю себе это именно так, а не иначе» [2, с. 95].

Как видим, часть моих соображений находит подтверждение и у известного историка.

История — далеко не единственная область знания, где возникают проблемы наведения мостов между прошлым и настоящим. В качестве примера приведу высказывание Цицерона: «Вероятные знания — вот предел человеческого разума» [3, с. 178].

У читателя, не знакомого с квантовой физикой, эти слова не вызывают ни эмоций, ни коннотаций: высказывание как высказывание, разве что с некоторой претензией на философскую парадоксальность.

Однако содержание высказывания Цицерона — уже в качестве *доказанной научной истины* — открыла квантовая физика через две тысячи лет (!): всё, что нам кажется точным — положения частиц, их траектории, энергии и т. д., — есть на самом деле результат усреднения вероятностных разбросов.

Поставим теперь себя в позицию историка науки. Можем ли мы на основании приведённого высказывания Цицерона приписать ему чудесное провидение? Думал ли Марк Антоний, отдавая приказ об убийстве Цицерона, о том, на какого «физика» он покушается?

Понятно, что в данном случае такое предположение — не более чем шутка, однако случаются и реальные проблемы обогащения давнего высказывания современным содержанием.

Кстати, у Цицерона есть и противоположное высказывание: «Нет ничего более противного разуму и природе, чем случайность» [там же, с. 182]. Однако, продолжая прежнюю игру, мы можем и здесь усмотреть совпадение, на этот раз — предвосхищение тех споров, которые Эйнштейн вёл с Бором, протестуя против вероятностей квантовой механики. По мнению Эйнштейна, «Бог не играет в кости».

1.2. О последствиях искажений истории

Чтобы учиться на своих ошибках,
не забывай их совершать!

Сергей Азинцев. «Фононы»

Изложение фактов может быть объективным лишь в виде научной формулы, ибо её справедливость легко *проверить* в воспроизводимых опытах. Однако даже и в этом случае к формуле

предъявляется достаточно строгое дополнительное требование: она должна обладать свойством, которое К. Поппер назвал «фальсифицируемостью». В переводе на общедоступный язык это означает, что формула обязана допускать возможность её опровержения [4, с. 245]. Такое происходит при появлении новых теоретических соображений или результатов экспериментов.

Сопоставим теперь с этими важными требованиями науки исторический опыт. Воспроизведению, не говоря уже о фальсифицируемости, он не подлежит по определению, поскольку составляющие его компоненты необратимо рассеялись. Они никогда уже не смогут собраться в то целое, которое некогда существовало в реальном опыте. Точно так выветренный утёс не может собраться сам собой в прежнюю форму.

Невозможность подобных процессов диктует один из фундаментальных законов природы — второй закон термодинамики. Тем самым он определяет и такое важнейшее положение науки и мировоззрения вообще, как *необратимость времени*. Для *исторической науки* это приговор, диктующий принципиальную *невоспроизводимость, однократность, а значит, и непроверяемость* исторических событий.

Итак, мы вынуждены изучать прошлое по летописным «формулам», не соответствующим требованиям науки и заведомо содержащим собственно авторские и навязанные автору извне искажения. Это неизбежно смещает историка — исследователя исторических документов — на тропу заблуждений.

Ещё хуже дело обстоит с искажением истории в массовом сознании, например российских граждан. Примеры — отношение к деятельности Сталина, к обстоятельствам Куликовской битвы, к тем событиям, которые послужили основанием для праздника Защитника Отечества двадцать третьего февраля, и т. д.

Относительно свежий пример — интерпретация ряда аспектов Второй мировой войны. Она различна в разных социумах и под-

вержена произвольным изменениям, вызванным изменениями политических режимов в некоторых странах в последние десятилетия.

Между тем цена искажений исторической правды велика, поскольку человеческому социуму так же опасно впасть в заблуждения, как и любому иному продукту эволюции. Все участники эволюционных процессов без исключения либо подчиняются закону усвоения *подлинного* опыта, либо, в условиях конкуренции, погибают.

Причина давно установлена: усвоение опыта побуждает к таким изменениям живых форм и их поведения, которые адекватны вызовам среды. Именно это и предохраняет от повторения ошибок и даже входит в само определение понятия «жизнь».

В то же время исторические факты, необходимые для установления ошибок, мы черпаем из источников в органичном единстве с их интерпретациями, где вольно или невольно умалчивают об одном, выпячивают другое, окрашивают третье, искажают четвёртое.

Если источников много и возможно путём сопоставлений убрать спорные наслоения и вычленить общее ядро, то *редкие* источники такой возможности не предоставляют. В таких случаях мы вынуждены прибегать, например, к трудам общепризнанного Иосифа Флавия, как известно, допускавшего искажения исторических фактов. Здесь уже невозможно применить метод *экспертных* оценок с достаточно большой выборкой, который позволил бы путём статистической обработки данных не только получить результат, но и оценить его достоверность.

Представим себе книги, написанные, например, о событиях в России, происшедших в 1991 году. Их свидетели напишут совершенно разные тексты хотя бы потому, что их авторы представляют разные политические силы. В результате мы получим и разные выборки фактов, и противоположные интерпретации причин и следствий происшедших событий.

Александр Ефимович Айзензон

ЧАСТНЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ

Монография

Корректоры *Е. В. Антонова, Т. В. Никонова*

Оригинал-макет *О. В. Пугачёва*

Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 05.09.2018

Формат 60×84/16. Бумага офсетная

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 19,53

Тираж 500 экз. Заказ № 1339

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 965 048 04 28